
**«ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЕЛКОВОГО ПУТИ»
И ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ:
ОСОБЕННОСТИ, ПРЕИМУЩЕСТВА, КОНКУРЕНЦИЯ**

Го Лишуан*

Сотрудничество в рамках «Экономического пояса Шелкового пути» и Евразийского экономического союза, осуществляемое при непосредственном участии лидеров Китая и России, стало новым этапом всесторонних китайско-российских отношений в области стратегического взаимодействия и партнерства. «Экономический пояс Шелкового пути» и Евразийский экономический союз не только пересекаются географически, но и обладают аналогичными функциями и содержанием. В то же время в своей теоретической основе, конечных целях, путях реализации и признании в странах Центральной Азии между ними наблюдаются существенные различия. Таким образом, «Экономический пояс Шелкового пути» и Евразийский экономический союз одновременно стоят перед лицом новых возможностей и новых вызовов: с одной стороны, существует основа для успешного сотрудничества, с другой стороны, конкуренция в области ресурсов, привлекательности и влияния. Как добиться преобладания сотрудничества над конкуренцией, возможностей над вызовами? Ответ на этот вопрос является ключом к пониманию взаимодействия между «Экономическим поясом Шелкового пути» и Евразийским экономическим союзом. Следовательно, анализ ценностных позиций и требований стран, участвующих в данных проектах, имеет важное значение для улучшения сотрудничества между «Экономическим поясом Шелкового пути» и Евразийским экономическим союзом.

Ключевые слова: «Экономический пояс Шелкового пути», Евразийский экономический союз, интересы, право голоса.

The cooperation between the 21st Century Maritime Silk Road and Eurasian Economic Union, which is carried out under strategic surveillance and the plan of the leaders of China and Russia has become an essential symbol of the new stage in China-Russia comprehensive relations of strategic cooperation and partnership. The 21st Century Maritime Silk Road and Eurasian Economic Union not only overlap geographically, but also have similar functions and content. Meanwhile, they significantly differ with respect to their theoretical basis, means of implementation and recognition in Central Asia countries. Thus, the 21st Century Maritime Silk Road and Eurasian Economic Union are simultaneously facing new opportunities

---

* Го Лишуан – профессор марксистской академии Университета Фудань (Шанхай, Китай).
E-mail: guolishuang812@163.com.

and new challenges: on the one hand, there is a basis for successful cooperation, but on the other hand, there exists competition in the field of resources, attractiveness and influence. How one can make cooperation prevail over competition, and opportunities prevail over challenges? The answer to this question is a key to the understating of the interaction between the 21st Century Maritime Silk Road and Eurasian Economic Union. Therefore, the analysis of the value positions and requirements of the countries, participating in this project is important for improving cooperation between the 21st Century Maritime Silk Road and Eurasian Economic Union.

Keywords: *21st Century Maritime Silk Road, Eurasian Economic Union, interests, voting right.*

8 мая 2015 г. Си Цзиньпин и В. В. Путин подписали «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и продвижении взаимовыгодного сотрудничества» и «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути». Подписание этих документов стало важным символом нового этапа китайско-российских всесторонних отношений стратегического взаимодействия и партнерства.

Теоретические корни Евразийского экономического союза лежат в позиционировании нового евразийства в отношении российской цивилизации, геополитики и национальной идентичности. В 1992 г. данная идея была впервые выдвинута в качестве политической концепции президентом Казахстана Н. Назарбаевым, и с момента своего третьего президентского срока В. В. Путин использовал различные меры для пропаганды и продвижения Евразийского экономического союза. Так сложилась соответствующая дорожная карта: Евразийское экономическое сообщество (2000 г.); Таможенный союз (2010 г.); Единое экономическое пространство (2012 г.); Евразийский экономический союз (образованный в 2015 г.).

Концепция «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭШПП) была выдвинута китайским президентом Си Цзиньпином во время его выступления в Назарбаев Университете в Казахстане 7 сентября 2013 г. «Экономический пояс Шелкового пути» связывает бурно развивающийся в экономическом плане пояс Азиатско-Тихоокеанского региона. На востоке он проходит через богатые ресурсами страны Центральной Азии и достигает экономически развитого Европейского региона, создавая, таким образом, крупнейший и наиболее перспективный экономический коридор в мире. В настоящее время данная инициатива стала важной стратегией развития Китая, которая является не только инновационной моделью межрегионального экономического сотрудничества, основанной на новой региональной экономической интеграции и экономической глобализации, но и планом по возрождению древнего Шелкового пути в новую эру. Ее основная позиция заключается в создании «сообщества общей судьбы» и «сообщества общих интересов».

«Экономический пояс Шелкового пути» и Евразийский экономический союз не только пересекаются географически, но и обладают близким содержанием и аналогичными функциями. В то же время наблюдаются существенные различия в теоретической основе, конечной цели, путях реализации и признании данных двух проектов в странах Центральной Азии. Таким образом, ЭШПШ и Евразийский экономический союз одновременно стоят перед лицом новых возможностей и новых вызовов: с одной стороны, существует основа для успешного сотрудничества, с другой стороны, конкуренция в области ресурсов, привлекательности и влияния. Как добиться преобладания сотрудничества над конкуренцией, возможностей над вызовами? Ответ на этот вопрос является ключом к пониманию сотрудничества между «Экономическим поясом Шелкового пути» и Евразийским экономическим союзом. Россия и Центральная Азия – это страны, расположенные вдоль ЭШПШ. Оценка и участие этих стран в стыковке ЭШПШ и Евразийского экономического союза является ключевым фактором для конкретной реализации стратегии «Экономического пояса Шелкового пути», а также предоставляет важные рекомендации для наиболее успешной реализации стыковки двух проектов. В данной статье рассматриваются мнения ученых из России и нескольких стран Центральной Азии по этим вопросам, что расширит теоретическую базу и поможет сосредоточиться на ценностях и позициях стран, участвующих в реализации данных проектов.

I. Стыковка между «Экономическим поясом Шелкового пути» и Евразийским экономическим союзом

1. Геополитический контекст и значимость стыковки

Заместитель декана Дипломатической академии МИД России О. П. Иванов в статье «Современные интеграционные процессы в Евразии в условиях геополитического соперничества» придерживается в основном позитивного отношения к стыковке двух проектов. В частности, он проанализировал международный контекст предложения Китая о создании «Экономического пояса Шелкового пути» и значимость стыковки. «Западные страны расширились до Китая через НАТО, пытаясь загнать Россию в угол. Соединенные Штаты и их союзники на востоке оказывают давление на Китай, создавая там серьезную проблему безопасности. Китай должен прорваться через это геополитическое окружение, и он может развиваться только на запад и развиваться в направлении России и Центральной Азии». [Иванов]. Стыковка ЭШПШ с Евразийским экономическим союзом имеет важное стратегическое значение как для Китая, так и для России. Успешное расширение ЭШПШ на запад уменьшит зависимость Китая от западных стран в Южно-Китайском море и по восточному маршруту Малаккского пролива, что позволит КНР успешно прорваться через окружение США. Стыковка освободит Россию от геополитически пассивного положения, в котором она оказалась из-за украинского кризиса, а также поможет уменьшить напряженность в отношениях между Китаем и Россией.

Затем О. П. Иванов проанализировал три сценария развития отношений между российским Евразийским экономическим союзом и «Экономическим поясом Китайского Шелкового пути»:

- 1) полное принятие проекта евроазиатской интеграции Китая и активное участие в нем;
- 2) жесткая конкуренция между Евразийским экономическим союзом и Китаем, что неизбежно приведет к серьезным последствиям для обеих сторон;
- 3) совмещение интересов обеих сторон и углубление интеграционного сотрудничества.

По результатам анализа сделан вывод, что для всех участников третий вариант (стыковка и сотрудничество) является оптимальным выбором.

Наконец, Иванов далее подчеркивает, что «Экономический пояс Шелкового пути» должен обладать совместимостью: «В Евразии существует несколько организаций, таких как Организация Договора о коллективной безопасности, Шанхайская организация сотрудничества, Евразийское экономическое сообщество и Экономический пояс Шелкового пути. Благодаря тому, что этот важный проект охватывает упомянутые выше различные организации, он не только реализует интересы региональных участников, но и реализует преимущества межрегиональных участников. Это означает, что может возникнуть конфронтация или конкуренция. Совместимость должна учитывать интересы всех сторон, участвующих в процессе интеграции» [Иванов].

2. Принятие стыковки странами Европы и Центральной Азии

Директор Центра стратегических исследований при президенте Республики Таджикистан С. Сафаров также положительно оценивает стыковку и считает, что Китай содействует миру и процветанию в Центральной Азии. «Экономический пояс Шелкового пути», опирающийся на развитие ШОС, будет не только способствовать процессу экономической интеграции в Центральной Азии, но и разрешению культурных и социальных проблем. Стыковка двух проектов является важной стратегией китайско-российского сотрудничества, которую поддерживают большинство жителей стран СНГ. В социологическом опросе об отношениях между Россией и Западом, в также Россией и Китаем есть два варианта для выбора: А) Россия переместится с Запада на Восток и создаст союз с Китаем. Б) Россия объединится с Западом для борьбы с «Исламским государством»^{**}. Результаты опроса показывают, что выбор варианта А в 4,5 раза превышает выбор варианта В. Из этого можно сделать вывод, что даже перед лицом самых опасных врагов в мире люди большинства стран СНГ надеются, что Россия будет сотрудничать с Китаем, а не с Западом. Успехи сотрудничества между Китаем и Таджикистаном в экономической сфере также свидетельствуют об успехах стыковки [Сафаров].

Директор Института региональной политики Узбекистана Д. С. Туроева проанализировала позицию Узбекистана в отношении стыковки проектов Китая и Рос-

---

^{**} Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ.

сии с точки зрения геополитических рисков в Центральной Азии и опыта сотрудничества с Китаем. Она отметила, что риск подрыва баланса геополитических сил в Центральной Азии возрастает, а баланс геополитических сил является фундаментальным фактором в обеспечении безопасности и стабильности в регионе. Растущее геополитическое значение Центральной Азии связано с тем, что огромный природно-экономический и ресурсный потенциал Центральной Азии по-прежнему находится в центре пристального внимания крупных соседствующих стран и их стратегических интересов. Предпосылкой международного сотрудничества Узбекистана с другими странами является: открытое международное сотрудничество, независимость от идеологии, приверженность признанным международным нормам и принципам, защита мира и безопасности, равенство и взаимная выгода, уважение суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности границ, мирное разрешение споров, неприменение силы и угрозы ее применения, невмешательство во внутренние дела других стран.

Сложные тенденции в мировой финансово-экономической системе прямо или косвенно влияют на выбор приоритетов для устойчивого развития в странах Центральной Азии. Одним из приоритетных является сотрудничество Узбекистана с Китаем по основным проектам в области транспорта и коммуникаций. Стабильная транспортно-коммуникационная система коридоров является важной гарантией торговых сделок между европейскими и азиатскими рынками и странами Центральной Азии. Узбекистан привлекает иностранные инвестиции и передовые технологии, а также сотрудничает с Китаем по крупным инфраструктурным, транспортным и коммуникационным проектам, придавая стране новую жизнеспособность во внешней торговле. Железнодорожный туннель, совместно построенный экспертами из Узбекистана и Китая, открыл важную часть международного транзитного коридора Китай – Центральная Азия – Европа. Это модель, которую Китай и Россия могут использовать в стыковке своих проектов. В настоящее время по-прежнему существуют некоторые неопределенности, которые могут подорвать целостность региональной структуры мировых экономических отношений. Хочется надеяться, что российско-китайское сотрудничество в сфере стыковки проектов приведет к улучшению способности центральноазиатских стран реагировать на внешние вызовы и угрозы [Туроева].

В отличие от взглядов ученых из двух стран Центральной Азии профессор А. И. Никитин из Московского государственного института международных отношений считает, что стыковка в Центральной Азии довольно сложна и указывает на низкий уровень ее принятия странами региона. Невозможно, чтобы государства Центральной Азии одновременно входили в евроазиатские стратегические рамки двух стран. «Страны Центральной Азии высказывают возражения в отношении предложений Китая и России: для стран Центральной Азии стыковка между Экономическим поясом Шелкового пути и Евразийским экономическим союзом очень сложна, это так же трудно, как и присоединение Украины и Молдовы к ЕС и СНГ» [Никитин].

Профессор кафедры мировой экономики Московского государственного университета профессор В. Л. Иноземцев в еще большей степени критикует стыковку.

Ученый отмечает, что она не соответствует современной теории экономического развития. Современная развитая экономика – это морская экономика, а не материковая. Евразийский экономический союз, пропагандируемый новым евразийством, является неправильным выбором для России. «Евразийская» концепция за счет большой территории создает иллюзию мощной страны. Данные идеи были признаны российской политической элитой и доминировали на Евразийском континенте. Но то, что Россия может иметь значительные преимущества от своего местоположения – это опасное недоразумение. Китайско-российская стыковка только увеличит стоимость развития РФ. Россия не может и не должна стать транзитной страной, и она не должна участвовать в геополитике Центральной Азии. Напротив, Россия может и должна позиционироваться как развитая морская страна и ее возрождение должно идти по пути Соединенных Штатов.

О. П. Иванов проанализировал, является ли стыковка проектов Китая и России конфронтацией с Европой и Соединенными Штатами. Он отметил, что стыковка и процесс интеграции в Евразийском регионе должны рассматриваться в контексте глобализации. В настоящее время важную роль в международных политических и экономических отношениях играют не старые международные институты и организации (такие как НАТО или Международный валютный фонд), а новые межправительственные организации, такие как ШОС, Евразийский экономический союз и т. д., действующие параллельно с западными организациями. Стыковка зависит именно от продвижения этих новых межправительственных организаций. На Западе существует непонимание процесса евразийской интеграции России – Евразийский экономический союз РФ воспринимается как попытка воссоздать Советский Союз. Украинский кризис нарушил отношения между Россией и Западом, что вызвало новые дискуссии о холодной войне. Хиллари Клинтон публично заявила на встрече на высшем уровне ОБСЕ в Берлине, что Соединенные Штаты не позволят России реализовать новый план холодной войны и возрождения бывшего Советского Союза путем евразийской интеграции. Таким образом, чтобы не переходить к новой холодной войне между Россией и Западом, необходимо прекратить демонизировать друг друга и разработать сбалансированный подход. Хорошим шагом может стать стыковка между Китаем и Россией на практическом уровне. В настоящее время мы видим, что стыковка не привела к конфронтации с Западом на всех уровнях. Она успешно продвигает процесс экономической интеграции в Европе и Азии на основе сохранения сотрудничества между европейским и евразийским проектами [Иванов].

II. Стыковка проектов и вопросы евразийской безопасности

Несмотря на то, что стыковка – это в основном экономическое сотрудничество, в сложном международном контексте трудно однозначно отделить друг от друга экономическую и политическую дипломатию. Следовательно, стыковка также напрямую связана с вопросами евразийской безопасности.

О. П. Иванов считает, что ШОС и Евразийский экономический союз как новые межправительственные организации играют ту роль, которую не могут играть старые международные организации, такие как НАТО. В глобальном контек-

сте эти новые институциональные организации не заменяют существующие западные, но при условии, когда старые организации бездействуют или ошибаются, новые играют дополняющую роль в региональной безопасности и экономических областях. На региональном уровне новая евразийская структура заполняет вакуум безопасности и служит политикой избегания хаоса в Евразии. Вмешательство НАТО или США в дела Евразийского региона нежелательно, поскольку их действия не соответствуют международному праву и не отвечают интересам региональных субъектов международных отношений. В нынешнем геополитически разнообразном ландшафте Евразии имеются разные типы отношений. Первый из них заключается в том, что в рамках процесса региональной интеграции между нациями, сверхэтническими и местными образованиями происходит перераспределение постсовременных суверенных государств. Данная характеристика очевидна для стран Центральной Азии. Конечно, к данному типу относятся также некоторые из государств-членов ЕС.

Второй тип отношений характерен для стран, которые придерживаются современных принципов защиты национального суверенитета. К ним относятся Россия, Китай и Соединенные Штаты. Характер отношений между Западом и Россией находится под влиянием холодной войны. У России, государства – преемника Советского Союза, побежденного Соединенными Штатами в холодной войне, по-прежнему отсутствует основополагающее сходство с Западом. Отношения между Россией и США, основанные на недоверии, ведут к асимметричной поляризации. Например, отказ НАТО установить официальное партнерство с Организацией Договора о коллективной безопасности, использование некоторых старых методов не способствуют разрешению проблем, особенно в сфере борьбы с терроризмом, экстремизмом и контрабандой наркотиков. Таким образом, вопрос безопасности Евразии в значительной степени зависит от соотношений интересов России, Китая и Соединенных Штатов.

А. И. Никитин сосредоточился на анализе характера и функций Шанхайской организации сотрудничества и отмечает:

- ✓ ШОС = экономический союз;
- ✓ ШОС = политико-дипломатический координационный форум;
- ✓ ШОС ≠ военный альянс;
- ✓ ШОС ≠ группа безопасности;
- ✓ конфликты между Организацией Договора о коллективной безопасности и Шанхайской организацией сотрудничества: у государств-членов есть много проблем, по которым трудно достичь консенсуса:

– нет единой позиции по двум киргизским революциям, конфликту между Таджикистаном, Кыргызстаном и Узбекистаном, войне между Россией и Грузией,

– нет единой позиции по крымскому вопросу и проблеме Донбасса.

Страны Центральной Азии проводят многостороннюю политику, для этих стран (ориентация которых зависит от таких параллельных политических центров, как Пекин, Москва, Тегеран, Анкара, Брюссель и Вашингтон) не пришло время для принятия кардинальных решений. По сути, принципиальная позиция этих стран во многом зависит от России и Китая.

В действительности параллельные и пересекающиеся функции Шанхайской организации сотрудничества и Организации Договора о коллективной безопасности не столь широки: Организация Договора о коллективной безопасности сосредоточена на противодействии «старым» угрозам, в то время как приверженность ШОС социально-экономическим вопросам отсутствует у Организации Договора о коллективной безопасности. Решения некоторых проблем безопасности в России и странах Центральной Азии возможны только при помощи «внешних сил» – Организации Объединенных Наций, ОБСЕ, НАТО, Европейского союза и Организации исламского сотрудничества. Однако между Шанхайской организацией сотрудничества, Организацией Договора о коллективной безопасности и вышеупомянутыми организациями практически нет диалога. Это направление, в котором должны быть предприняты усилия по улучшению сотрудничества. Глобализация, инициированная НАТО и Европейским союзом, вынудила Шанхайскую организацию сотрудничества и Организацию Договора о коллективной безопасности начать переносить первоначальную региональную повестку дня на частичную глобализацию: сохраняя характер региональной деятельности, Шанхайская организация сотрудничества также оказывает влияние на процессы глобализации, зависящие от объединенной силы – имеющих мировое влияние Китая, Индии и России.

В плане характера и функций ШОС мнение С. Сафарова отличается от мнения профессора А. И. Никитина. Сафаров с точки зрения преодоления двойных стандартов международного старого порядка и политики надеется, что ШОС сможет стать новой силой, изменяющей старый порядок международной политики. Он утверждает, что в настоящее время международная политика и международные отношения вступили в эпоху, в которой необходимы фундаментальные изменения, поскольку в настоящее время существуют две группы противоречащих друг другу международных политических систем. Некоторые страны преследуют гегемонизм и придерживаются политических двойных стандартов, санкционируя во имя свободы и демократии другие страны. Но пришло время это изменить. В качестве новой региональной системы сотрудничества ШОС действует не только на региональные экономические отношения, но и играет позитивную и конструктивную роль в международной политике и глобальной системе безопасности. Что касается изменения международной политической структуры, то ШОС предоставила странам Центральной Азии надежду и уверенность в защите своего национального суверенитета, а также в продвижении экономического, социального и культурного развития.

В Узбекистане Д. Туроева отметила конфликт между суверенитетом стран Центральной Азии и привлечением иностранных инвестиций. Нынешний международный политический процесс в мире усугубил напряженность и геополитическую конфронтацию между соседними странами. Страны Центральной Азии сталкиваются с некоторыми внешними вызовами и внутренними угрозами. Основным условием для диверсифицированной структуры экономики является социальная и политическая стабильность, но теперь она неопределенная и неустойчивая, сталкивается с некоторыми внешними вызовами и внутренними угрозами. Это

первое условие иногда противоречит насущной задаче стран Центральной Азии: привлечение иностранных инвестиций для содействия научно-техническим инновациям, модернизация производственных мощностей приводят к конфликту между национальным суверенитетом и интересами. Таким образом, в китайско-российской стыковке уважение и защита суверенитета, прав голоса и интересов малых и средних центральноазиатских стран не только затрагивают вопрос регионально-экономического сотрудничества, но также связаны с безопасностью и стабильностью в Евразийском регионе.

III. Преимущества и недостатки Евразийского экономического союза

1. Влияние нового евразийства на концепцию управления В. В. Путина

Новое евразийство является теоретической основой Евразийского экономического союза. В настоящее время в России данная концепция из культурной идеологии превратилась в политическую практику, что оказало сильное влияние на цивилизационное позиционирование российской национальной идентичности и принятие политических решений. Особенно увеличивается ее влияние на концепцию управления В. В. Путина.

В период социального перехода России новое евразийство сыграло очень важную роль на всех уровнях. Оно стало больше, чем социальная тенденция или социальная идеология. Его влияние проникло глубоко в умы правящей элиты, стало влияющим на национальную политику фактором, прочной теоретической предпосылкой и политическо-психологической основой развития России в новом столетии.

Евразийство активизировалось в современной России, породив новое евразийство. Нынешняя цивилизационная позиция, идентичность, политические идеи и экономическая дипломатия России находятся под все более сильным влиянием этого направления. Вслед за быстрыми преобразованиями российского общества в прошлом великая держава испытала смущение и боль от блокирования в Европе. Путин уделяет большое внимание прагматизму. Из-за геополитики и потребностей национального развития он начал защищать национальную идентичность во время своего второго срока. Новый евразийский подход, новая евразийская тенденция в концепции управления на протяжении третьего срока стала еще более выражена. В это время Путин постепенно разъяснил позицию России в отношении цивилизации и национальной идентичности: «Суть России, история России – быть мостом между Европой и Азией», – а затем четко определил цель национального развития: восстановление мечты о Евразийском союзе [цит. по: Го Лишуан 2017].

Однако понятие евразийства в Евразийском союзе в понимании Путина неясно, а «евразийская» граница также не определена и не выражена конкретно. Она обладает определенной гибкостью и инклюзивностью. В целом понятие «Евразия» имеет три значения: во-первых, Европа и Азия, во-вторых, «постсоветское пространство», а в-третьих, «основа евразийского мышления». Очевидно, что Евразийский союз Путина, по крайней мере в настоящее время, исключает Западную Европу и Восточную Азию и не выступает в роли первого значения. Его ре-

альный смысл – это сочетание второго и третьего значений, то есть путь уникального экономического и политического развития Европы и Азии, основанный на уникальной географии, природе, культуре и истории Евразийского регионального центра, и отличающийся как от европейского пути (атлантизма), так и от собственно российского пути (например, панславизма). Здесь евразийство – это не чисто географическая, а геополитическая концепция. Она и не направлена против Запада, но и не зависит от него. «Евразия» Путина фактически относится к центру евразийского региона (включая центр Евразии и его окрестности). В основном это Россия, Центральная Азия, Восточная Европа и другие страны СНГ. Это также примерно соответствует тому, что Х. Маккиндер назвал «мировым островом». Основная идея Маккиндера: кто командует мировым островом, контролирует Евразийский континент, кто контролирует Евразийский континент, контролирует судьбу мира. Здесь можно увидеть амбиции Путина.

Очевидно, что построенный В. В. Путиным после его 12-летнего возвращения в Кремль Евразийский экономический союз является государственной стратегией. Это не только экономическая стратегия, но и важный фактор внешней политики, который, скорее всего, превратится в политический союз. В данной связи политический экономист А. Ю. Разуваев прокомментировал: «На самом деле новое евразийство – единственная единая концепция, которая может объединить пространство бывшего Советского Союза. Не потребуется много времени, чтобы сбылась мечта Путина о превращении России в великую державу» [Новое... 2012].

«Концепция внешней политики Российской Федерации», обнародованная в марте 2012 г., определила, что «Евразийский экономический союз является приоритетной задачей, Евразийский экономический союз может не только в наибольшей степени мобилизовать взаимовыгодные экономические связи в регионе СНГ, но и стать совместной моделью, определяющей будущее стран СНГ и открытой для других стран. Основанный на широком спектре принципов интеграции, новый союз может стать эффективным связующим звеном между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом». Новая евразийская доктрина была принята российским лидером. Вернувшийся к должности президента в мае 2012 г. Путин был назван А. Дугиным «символом евразийства».

Евразийское интеллектуальное наследие и его активизация в современную эпоху породили соответствующие идеи у профессора Московской юридической школы И. Исаева, профессора кафедры социологии Московского государственного университета А. Дугина, профессора философии Московского государственного университета А. Панарина и иных мыслителей нового евразийства. В их взглядах присутствуют некоторое крайности:

1. Намеренное ограждение Российской империи от участия в процессе построения европейской цивилизации, завоевания Азии и мира своим оружием и религией, что привело к упадку древних цивилизаций Азии в борьбе с современными цивилизациями.

2. Из-за сильного чувства патриотизма они не могут адекватно оценить колонизаторский призыв евразийства. Приверженцы евразийства прагматично при-

знают тот факт, что советский режим установил более мощную империю в *территориальном отношении*, высоко оценивают роль большевистского режима в прекращении процесса вестернизации, с помощью которого *можно было* избежать риска, подобного краху европейской колониальной системы. *Коммунистическая риторика* успешно предотвратила процесс деколонизации. Прекращение тенденции европеизации в России позволило РФ и Советскому Союзу перестроить свою дипломатию на Востоке: Китай, Индия и Северная Корея были включены в ее восточный лагерь в попытке создать буфер безопасности на Востоке.

3. Новые евразийцы совершенно не задумываются о сущности деазиатизации евразийского культурного наследия: русификация – это европеизированная трансформация Азии в Россию, европеизированное создание Российской империи с так называемой современной цивилизацией, *не признающей* независимую восточную идентичность. Азиатская часть империи никогда не имела равного статуса с европейской. Такая точка зрения нашла положительное отражение в академическом сообществе, образовалась академическая атмосфера для защиты идеологии стратегии Евразийского экономического союза в Российской Федерации.

Удивительно, но знаменитый русский философ Н. А. Бердяев увидел опасность евразийства почти сто лет назад. Это широкомасштабное наследие российской интеллектуальной истории Бердяев в произведении «Евразийцы» (1925 г.) прокомментировал так: «Евразийцы улавливают какое-то широко распространенное настроение русской молодежи, пережившей войну и революцию, идеологически облагораживать “правые” инстинкты. Их идеология соответствует душевному укладу нового поколения, в котором стихийное национальное и религиозное чувство не связано с ложной культурой, с проблематикой духа. Евразийство есть прежде всего направление эмоциональное, а не интеллектуальное, и эмоциональность его является реакцией творческих национальных и религиозных инстинктов на происшедшую катастрофу. Такого рода душевная формация может обернуться русским фашизмом» [Бердяев 1925: 135].

2. Критика российским научным сообществом Евразийского экономического союза и нового евразийства

Профессор А. Кнобель из Российской школы экономики и политических наук в статье «Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия» особо отметил, что Евразийский экономический союз – это перераспределение доминирования, основанное в целом на стандартах производительности России, Белоруссии и Казахстана.

Он проанализировал проблемы, существующие в интеграции Евразийского экономического сообщества, а также взаимодействие с другими странами СНГ и периферийными странами. Его вывод: основная проблема в интегрированном евразийском экономическом сообществе – перераспределение доминирования в соответствии со стандартами производительности. Например, цена на российскую нефть и природный газ превратилась в уровень налогообложения партнеров Евразийского экономического союза. Кроме того, обязательство Евразийского экономического союза не отражает в его текущей деятельности положительных

эффектов, указанных в соглашении. Также еще не создано больше ресурсов и возможностей, не повышена эффективность. Эти факторы в значительной степени зависят от перераспределения ресурсов «большой тройки»: России, Белоруссии и Казахстана.

А. Н. Никитин считает, что новая евразийская доктрина вызвала конфликт между Россией и Украиной, но Крым невозможно сейчас вернуть Украине. Россия строит супермост, соединяя Европу и Азию, и инвестирует в Крым. Однако понятие «русский мир» было расширено таким образом, что Россию обвинили в империалистической экспансии, и она оказалась в вихре санкций, что является негативным фактором конфликта между Россией и Украиной. Но Крым был неожиданным эпизодом конфликта и не является его главной темой.

В. Л. Иноземцев, профессор факультета мировой экономики Московского государственного университета, еще более резко критиковал Евразийский экономический союз, пропагандируемый новым евразийством, как неправильный выбор для России. В своей статье «Евразийский экономический союз: потерянные в пространстве», опубликованной в журнале «Политические исследования», он отметил, что теория мирового острова Маккиндера относится только к XIX и XX вв., а XXI в. – это век морской экономики, что уже доказано теоретически и практически. Таким образом, стратегия России в отношении Евразийского экономического союза не имеет будущего в XXI в. и станет серьезной пространственной ошибкой развития РФ. Евразийский экономический союз стал одним из самых привлекательных событий в настоящее время. Радикальные сторонники постсоветской интеграции, приверженцы нового евразийства, являются сторонниками его теории и практики. Сторонники нового евразийства в своих статьях о геополитической ориентации постсоветского пространства некритически используют теорию центрального региона, принижают значимость морской экономики и безосновательно преувеличивают пространственную ценность материковой экономики, полностью воплощая иллюзию «создателя империи». Названный «мозгом Путина» А. Дугин выступает за восстановление миссии России, возвращение к традиционной геополитике, пропаганду исторической миссии геополитического «восстановления утраченной земли» в Евразии, новую экономическую и политическую интеграцию новой империи в бывших советских республиках. Будущее России позиционируется как геополитический и геоэкономический центр мира, а Евразийский экономический союз станет носителем его глобальной экспансии [Иноземцев 2014].

По сравнению с ожесточенной критикой В. Л. Иноземцева Ю. А. Ковалев, профессор факультета политологии Московского государственного университета, дает более мягкую критику неоевразийства, но с более глубокой философской точки зрения. В декабре 2015 г. в известном журнале «Вопросы философии» он опубликовал статью «Россия: снова перед выбором пути», что вызвало пристальное внимание в политических и академических кругах России. Причина в том, что он критиковал радикальность неоевразийства, неправильные концепции «глобальной миссии», «создания нового мира», «русского мира», «высокого чувства ответственности России» и «защиты мышления России», которые в итоге привели

к утрате кода российской цивилизации и спровоцировали конфликт между Россией и Украиной, поставив РФ перед дилеммой. Он отметил, что в настоящее время выбор Россией позиции евразийства для выхода из тупика противостояния вестернизации и славянофильства является правильным, но необходимо не это радикальное новое евразийство, представленное А. Дугиным, а «мягкое» новое евразийство Л. Гумилева, новое евразийство как часть великого евразийства. Кодексом для российской цивилизации *должны быть* великое евразийство Л. Гумилева и мировое сознание В. Соловьева, сочетание этих двух концепций будет уникальным третьим мировым порядком в России [Ковалев 2015].

Новое евразийство России тесно связано с Евразийским экономическим союзом, это важная политическая тенденция, которую нам необходимо продолжать изучать.

Краткое заключение

«Экономический пояс Шелкового пути» и Евразийский экономический союз пересекаются не только географически, но и обладают аналогичными функциями и содержанием: 1) с точки зрения географии оба проекта охватывают по большей части одни и те же страны, находящиеся в центре Евразии; 2) с цивилизационной точки зрения оба проекта обладают характеристиками межцивилизационного диалога; 3) с точки зрения основного содержания оба посредством региональной экономической интеграции стремятся к развитию экономики и улучшению уровня жизни людей, очевидны геоэкономические факторы; 4) с точки зрения истории и реальности, в прошлом у Китая был Великий шелковый путь, в настоящем – ШОС; в прошлом России – история объединения в рамках царской России и СССР, в настоящем – концепция евразийства и практика Организации Договора о коллективной безопасности.

В то же время в своей теоретической основе, конечных целях, путях реализации и признании в странах Центральной Азии и т. д. между двумя проектами наблюдаются существенные различия.

1. С теоретической точки зрения Евразийский экономический союз основан на российской политической идеологии нового евразийства, подчеркивает уникальность российской цивилизации, расположенной между Европой и Азией, и геополитическое значение центрального положения России в Евразийском регионе, что демонстрирует российскую великодержавность и неукротимое желание территориального расширения при воплощении Евразийского экономического союза. «Экономический пояс Шелкового пути» в своей теоретической основе не имеет политического стремления к восстановлению великодержавия, а напротив, рассматривает «взаимное доверие, взаимную выгоду, равенство, консультации, уважение многообразия культур, стремление к общему развитию» в качестве основы для построения системы сотрудничества и подчеркивает достижение взаимовыгодного сотрудничества и совместного развития при условии равного статуса всех стран. Таким образом, по сравнению с Евразийским экономическим союзом «Экономический пояс Шелкового пути» является более всеобъемлющим.

2. С точки зрения конечной цели Евразийский экономический союз стремится к экономической и политической однополярности в мире, подчеркивая единство ценностей всех стран и реализуя мечту о возрождении России как великой державы; дойдя до определенного уровня, экономическая интеграция может трансформироваться в политический альянс и в конечном счете Евразийский экономический союз может превратиться в возглавляемый Россией наднациональный субъект и стать сильным полюсом в противовес ЕС и США. «Экономический пояс Шелкового пути» направлен на содействие торговле и упрощению инвестиций, на энергетическое сотрудничество, культурный обмен и связи, а также на гармоничное развитие всех стран, не акцентирует «политический пояс», отражая экономическую уверенность, политическую сдержанность и поиск общих позиций при сохранении различий [Ли Син 2015].

3. С точки зрения пути реализации модель Евразийского экономического союза представляется типичной моделью международной организации. Ее механизм является жестким, устанавливающим обязательные правила для создания высокоинтегрированной международной организации, аналогичной ЕС и направленной на борьбу с контролируемой Западом экономической системой. «Экономический пояс Шелкового пути» не является международной организацией, не имеет жесткого механизма и не является субъектом, а представляет собой гибкий и «мягкий» механизм, направленный на создание более свободно структурированной и всеобъемлющей симбиотической системы посредством прагматичного и гибкого многостороннего сотрудничества.

4. С точки зрения степени признания из-за политической окраски и «оборонного» характера Евразийского экономического союза в сочетании с негативным влиянием украинского кризиса большинство стран Центральной Азии проявляют выжидательную позицию. А поскольку Китай не ищет единой сферы влияния и лидерства, «Экономический пояс Шелкового пути» более приветствуется в странах Центральной Азии [Чжан Яньлу 2015].

Из вышесказанного можно увидеть, что в сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и «Экономическим поясом Шелкового пути» имеются как точки соприкосновения, так и существенные различия. Между Китаем, Россией и иными евразийскими странами имеются основания как для успешного сотрудничества, так и для конкуренции в сфере ресурсов, привлекательности и влияния, а также различные интересы, ценности и требования. Таким образом, в условиях сотрудничества и конкуренции, возможностей и вызовов необходимо уважать и уравнивать права и интересы всех сторон, своевременно отслеживать ценностные позиции и требования стран, участвующих в проектах, с целью лучшего понимания друг друга и избегания неудач.

Литература

Бердяев Н. Евразийцы // Путь. 1925. № 1. С. 134–139.

Го Лишуан. Теоретическая конструкция и политическая практика российского неоевразийства // Современный мир и социализм. 2017. Вып. 4.

Иванов О. П. Современные интеграционные процессы в Евразии в условиях геополитического соперничества // Доклады участников Международного симпозиума по Китаю и Евразии «Новые возможности и новые вызовы» (на кит. яз.).

Иноземцев В. Л. Евразийский экономический союз: потерянные в пространстве // Полис. Политические исследования. 2014. № 6. С. 71–82.

Ковалев Ю. А. Россия: снова перед выбором пути // Вопросы философии. 2015. № 6 (Июнь). С. 201–209.

Ли Син. Сравнительный анализ Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза // Общественные науки в вузах Китая. 2015. № 6.

Никитин А. И. Тенденции изменения архитектуры безопасности Евразии // Доклады участников Международного симпозиума по Китаю и Евразии «Новые возможности и новые вызовы» (на кит. яз.).

«Новое евразийство»: Оглядываясь на мечту Путина о сильной нации. [Электронный ресурс] : China Youth Daily. 2012. 25 июля. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2012-07/25/c_123463938_4.htm (на кит. яз.).

Сафаров С. Новые факторы влияющие на изменение архитектуры международной политики связанные с расширением ШОС // Доклады участников Международного симпозиума по Китаю и Евразии «Новые возможности и новые вызовы».

Туроева Д. С. Вызовы и угрозы региональной безопасности и устойчивому развитию Центральной Азии: подходы Узбекистана // Доклады участников Международного симпозиума по Китаю и Евразии «Новые возможности и новые вызовы» (на кит. яз.).

Чжан Яньлу. Анализ сложного симбиоза между Евразийским экономическим союзом и Экономическим поясом Шелкового пути // Международные перспективы. 2015. № 2.

References

Berdyayev N. Yevraziitsy [Eurasians] // Put'. 1925. No. 1. Pp. 134–139.

Guo Lishuang. The Theoretical Construction and Political Practice of Russian Neo-Eurasianism // Contemporary World and Socialism. 2017. No. 4 (in Chinese).

Ivanov O. P. Modern Integration Processes in Eurasia in the Context of Geopolitical Rivalry // Presentations of the Participants of the International Symposium on China and Eurasia: New Opportunities and New Challenges (in Chinese).

Inozemtsev V. L. Yevraziyskiy ekonomicheskiy soyuz: poteryannyye v prostranstve // Polis. Politicheskiye issledovaniya. 2014. No. 6. Pp. 71–82.

Kovalev Yu. A. Rossiya: snova pered vyborom puti [Russia: facing choosing a path again] // Voprosy filosofii. 2015. No. 6 (June). Pp. 201–209.

Li Xing. Comparative analysis of the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union // Social Sciences in Chinese Universities. 2015. No. 6 (in Chinese).

Nikitin A. I. Trends in Changes in the Security Architecture of Eurasia // Reports of the Participants of the International Symposium on China and Eurasia: New Opportunities and New Challenges (in Chinese).

“New Eurasianism”: Looking at Putin's Dream of a Strong Country // China Youth Daily. 2012. July 25 (in Chinese). URL: http://news.xinhuanet.com/world/2012-07/25/c_123463938_4.htm.

Safarov S. New Factors Affecting Changes in the Architecture of International Politics Associated with the Expansion of the SCO // Presentations of the Participants of the International Symposium on China and Eurasia: New Opportunities and New Challenges (in Chinese).

Turoyeva D. S. Challenges and Threats to Regional Security and Sustainable Development of Central Asia: Approaches of Uzbekistan. Presentations of the participants of the International Symposium on China and Eurasia: New Opportunities and New Challenges (in Chinese).

Zhang Yanlu. Analysis of the Complex Symbiosis Relationship between the Eurasian Union and the New Silk Road Economic Belt // International Outlook. 2015. No. 2.